

Золотое фэнтези

ЕКАТЕРИНА САВИНА

Паранормальные штучки

Охотница на ведьм

Охотница на ведьм

Екатерина Савина

Паранормальные штучки

«Научная книга»

Савина Е. И.

Паранормальные штучки / Е. И. Савина — «Научная книга»,
— (Охотница на ведьм)

Череда жестоких и немотивированных убийств запускает жуткий механизм безумия, которому становятся подверженными разные жители небольшого города. Экстрасенс Ольга Калинова знает, что за этими событиями стоит ее давний враг. Но хватит ли у нее сил, чтобы одолеть его и на этот раз?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Екатерина Савина

Паранормальные штучки

Глава 1

Первый день моего отпуска начался довольно оригинально. А точнее – только я, освободив свое сознание от повседневных рабочих забот, прилегла на софу с книжкой, купленной вот уже неделю назад, но все никак не прочитанной из-за хронической нехватки времени, в дверь моей квартиры раздался звонок.

Даша вбежала в прихожую, едва не сбив меня на пороге. Волосы ее были растрепаны, а лицо залито слезами – чему я, в принципе, не удивилась, хорошо зная свою старинную подругу – вечно она расстраивается из-за каких-нибудь пустяков, возводя их в статус из ряда вон выходящих событий. И, конечно, бежит за помощью ко мне.

Вот и сейчас – то и дело прерывая свое повествование рыданиями – Даша начала рассказывать мне об очередном ужасном происшествии.

– Понимаешь, Ольга, – всхлипывая, начала она, – мне необходима твоя помощь!

– А что случилось?

– То есть, не мне... Не мне... Но твоя помощь правда необходима! Только ты одна сможешь помочь...

– Да объясни мне толком, что случилось!

Даша открыла рот, но не выдержав, разрыдалась уже по-настоящему. Пришлось мне самой снимать с нее пальто, а потом, вести на кухню, нежно придерживая за талию, чтобы Даша в припадке истерики, не грохнулась на пол, что уже неоднократно бывало.

Ну что же поделаешь, что у моей подруги слабые нервы? Любое происшествие маломальски выбивающееся из рамок обыденности, выводит ее из душевного равновесия. Я до сих пор удивляюсь, почему Даша избрала профессию психолога. Врач, исцели себя сам? Тем не менее, специалист Даша была классный – начав активную практику пару лет назад, она уже, как это называется, заслужила имя – в соответствующих кругах ее знали многие. Однако, так и не смогла научиться стойко переносить различной тяжести потрясения.

Зато я, долгое время общаясь с Дашей, прекрасно знаю, как привести ее в чувство.

На кухне я заварила чай и через несколько минут уже немного успокоившаяся Даша пила крепчайший ароматный индийский и вела свое повествование.

Суть проблемы, с которой Даша пришла ко мне, заключалась в том, что ее соседи по лестничной клетке – студенты, из-за дороговизны жилья в столице, снимавшие квартиру втроем, внезапно сошли с ума. Причем, по словам Даши, окончательно и все трое сразу.

* * *

Чем объяснить это происшествие, Даша не знала и как профессионал, помощь потерпевшим оказать не могла – настолько тяжелый, оказывается, был случай.

– Один из них... его, кажется, Юрой зовут, – говорила Даша, согреваясь дымящейся в руках большой чашкой чая, – позвонил мне в дверь, а когда я открыла, стал просить у меня парочку сушеных лягушек.

– Что стал просить? – не поверила я.

Даша кивнула мне в знак того, что и ей эта просьба показалось странной, непонятной и необъяснимой, и продолжала.

Как выяснилось, пара сушеных лягушек потребовалась студенту Юре для того, чтобы приготовить соус к спагетти. Когда обалдевшая и все еще надеявшаяся, что она ослышалась, Даша попросила повторно воспроизвести всю выложенную только что информацию, Юра повторил все слово в слово, к тому же продемонстрировав кастрюли с этими самыми спагетти, для приготовления соуса к которым, ему необходимы были парочка сушеных лягушек.

Когда Даша заглянула в кастрюлю, которую Юра держал в руках, она едва не грохнулась в обморок – кастрюля доверху полна была еще живыми, извивающимися крупными земляными червями.

Откуда студент Юра достал червей в январе месяце – было непонятно, но Даше в первую очередь было непонятно как молодой человек мог вести себя так идиотски, сохраняя, тем не менее, самое серьезное выражение лица.

Получив от Даши вместо сушеных лягушек отрицательный ответ, Юра пожал плечами и скрылся в своей квартире. Но не успела озадаченная происходящим Даша закрыть свою дверь, как из той же соседней квартиры показался один из сожителей студента Юры, студент Петя, завернутый в грязную столовую скатерть. Несмотря на то, что под скатертью, судя по всему, никакой одежды не было, держался студент Петя с удивительным достоинством. Он спросил у Даши, как ее зовут, хотя вот уже как второй месяц они были знакомы, и надменно осведомился, что Даша делает на лестничной площадке.

Конечно, Даша не нашлась, что ответить и тогда студент Петя представился сам.

– Гай Юлий Цезарь, – значительно выговорил он, вскинув вверх небритый подбородок.

Потом немного подумал и добавил:

– А фамилия наша – Долгоруковы.

И величаво начал спускаться вниз по лестнице.

Не говоря ни слова, Даша на подгибающихся ногах сделала несколько шагов и заглянула в лестничный пролет. Гай Юлий Цезарь Долгорукий поймал на третьем этаже подъездного кота Василия, поднял его за шкурку и принялся втолковывать несчастному животному преимущество метрической системы перед шкалой Рихтера.

Перепуганный Василий извивался в крепких руках великого римлянина и оглушительно орал.

Пришедшая внезапно Даше на ум спасительная мысль – а вдруг это все розыгрыш? – стала медленно угасать. И окончательно угасла тогда, когда на лестничной клетке появился третий жилец соседней квартиры – имени этого студента Даша не помнила.

Безымянный студент вышел из дверей квартиры на четвереньках, подняв правую ногу, деловито помочился на ступеньку, что ему прекрасно удалось, поскольку он был совершенно голый, несколько раз звучно гавкнул на попятившуюся Дашу и, вскидывая бледный зад, потрусил вниз по лестнице – туда, где несколькими этажами ниже Гай Юлий Цезарь Долгорукий на чистом итальянском языке читал коту Василию третью часть великой поэмы Данте «Божественная комедия».

* * *

Тут в прихожей у меня зазвонил телефон и мне пришлось оставить Дашу ненадолго. Но Даша была так увлечена рассказом, что и не заметила моего отсутствия. Когда я вернулась, Даша, глядя в стену невидящими глазами продолжала свое повествование:

– Конечно, когда тот, кого не помню, как зовут начал гоняться по двору за котом Василием, а Гай Юлий Це... То есть Петя – вопил на латыни древние ругательства, потому что дворник дядя Миша волтузил его метлой, называя при этом охальником, конечно, тогда бабушки из нашего двора – все, как одна – побежали звонить в милицию. Ну, я-то понимала, что не в хулиганстве тут дело и решила попробовать спасти свихнувшихся студентов...

Из дальнейшего Дашиного рассказа мне стало ясно, что увести Гая Юлия Цезаря Долгорукова и безымянного четвероногого в квартиру, где они проживали, ей все-таки удалось. Но как только Даша переступила порог нехорошей квартиры, в ноздри ей ударил такой оглушительный смрад, что она едва устояла на ногах.

Гай Юлий Цезарь Долгорукий и безымянный студент, так и не поднявшийся с корточек, немного успокоились – безымянный по-собачьи помочился на Дашин тапочек, а Гай Юлий, посмотрев на это безобразие, гордо молвил:

– Лучше стоя, чем на коленях, – и удалился в сортир. Почти ничего уже не соображая, Даша проследовала на кухню, где, судя по всему, и находился эпицентр ужасающего запаха, царящего в квартире – и, оказавшись на кухне, упала-таки в обморок, потому что на встречу ей от кухонной плиты шагнул студент Юра, приветливо улыбаясь и протягивая тарелку со свежесваренными земляными червями.

Очнулась Даша через несколько минут и, естественно, поспешила убраться вон из этой квартиры – Гай Юлий Цезарь Долгорукий уже обкладывал ее расprostертое на полу тело старыми газетами, явно готовя Дашу к церемонии ритуальной кремации; безымянный студент, бегая вокруг Даши на четвереньках, совершенно неоднозначно к ней принохивался, как принохиваются весной кобели к сучкам, а студент Юра, разложив на столе по тарелкам четыре порции вареных земляных червей, уже резал для предстоящей трапезы хлеб.

* * *

– Ничего более кошмарного в своей жизни я не видела, – со вздохом закончила Даша, – самое страшное было в том, что все трое держались вроде бы нормально... пожалуй, исключая того, кого не помню, как зовут. А вот поступки совершали... совершенно сумасшедшие. Этот Юра готовил земляных червей, как я готовлю макароны и ничего странного не находил в том, что в кастрюли у него черви, а не... А Гай Ю... студент Петя вел себя, словно всю свою жизнь расхаживал завернутый в столовую скатерть... И самое главное! Самое главное, Ольга, знаешь в чем?

– В чем? – поинтересовалась я, до известной степени потрясенная Дашиным рассказом.

– В том, что я, заглянув ребятам в глаза, никакого безумия там не увидела, – шепотом проговорила Даша, – ты ведь знаешь, я профессионал. Мне приходилось лечить различные нервные расстройства, приходилось общаться с настоящими сумасшедшими и я знаю, как выглядят такие люди... А эти студенты – Юра, Петя и... тот, кого не помню, как зовут... они выглядели совершенно нормальными, но в то же самое время творили такое, что волосы на голове становились дыбом. Поняла, что я имею в виду?

– Не очень, – качнула я головой.

– Да, – снова вздохнула Даша, – так просто этого не объяснишь. Нужно все самой увидеть. Поехали со мной – я на машине – доберемся за полчаса. А то... я даже не знаю, что может случиться. Они ведь ребята славные... Как-то раз, когда я забыла дома ключи, а дверь захлопнулась, Юра перелез по балкону из своей квартиры в мою – и открыл мне дверь изнутри. Спас, то есть. Если бы не он, мне дверь бы пришлось ломать – точно. А ты сама знаешь, какая у меня дверь – огромная, железная, двойная – словно в швейцарском банке. Мне отец такую поставил недавно. Для безопасности.

Я с тоской оглянулась на дверь, ведущую из кухни. Книжка – вспомнила я, – мягкая софа, первый день отпуска. Голова гудит от дел и проблем, хотела отдохнуть хоть немного, хотя бы один день, а тут на тебе... Что там могло стрястись с этими студентами? А, может быть, это Даша сама сошла с ума? Посмотрела вечером по телевизору какой-нибудь ужастик и ее нервная система не выдержала?

– Такое ощущение, – задумчиво молвила тем временем Даша, – что ребят кто-то зомбировал... Поехали, Ольга, посмотришь, что там все-таки произошло... Это ведь по твоей части...

– Что? – переспросила я, отрываясь от печальных мыслей о загубленном дне отдыха.

– Я говорю, это по твоей части, – повторила Даша, – всякие там паранормальные явления...

* * *

Даша была права – «всякие там паранормальные явления» – это моей части. Ведь я – Ольга Антоновна Калинова – не совсем обычный человек.

Хоть с первого взгляда я вполне нормальная, и очень даже привлекательная молодая женщина, от всех остальных людей меня отличает то, что обладаю исключительными экстрасенсорными способностями. Раньше таких, как я, называли ведьмами, а сейчас называют – экстрасенсами. Ну, ведьма, экстрасенс... Мне, в общем-то, все равно, как меня называют, ведь суть-то остается одна и та же...

И вот еще что. Не так давно я получила еще одно имя – охотница на ведьм. Просто моя жизнь сложилась так, что мне не один и не два раза пришлось бороться с людьми, так же, как и я, обладающими экстрасенсорными способностями, но использующими эти способности не во благо людям, а во вред.

Как это получилось?

Наверное, следует рассказать с самого начала...

* * *

Родилась я не в Москве, где сейчас проживаю постоянно, а в небольшом городке под Вяткой. Родители мои умерли рано и единственным родным мне человеком осталась моя сестра-близнец Наталья.

Мы вместе ходили в школу, вместе закончили художественное училище и вместе поступили на работу в рекламное агентство – менеджерами по размещению рекламы.

Мне моя работа нравилась, а вот Наташа проработала вместе со мной только три дня. На большее ее не хватило. В один прекрасный день она просто не вышла на работу, и мне не удалось ее уговорить приступить к выполнению своих обязанностей и на следующий день. Наташа сказала тогда, что хочет подыскать себе более достойное применение.

Я против не была. Мы с Наташей уже давно жили без родителей и привыкли рассчитывать только на себя. Я со своим заработком вполне могла обеспечивать какое-то время и себя и свою сестру.

Забеспокоилась я тогда, когда период бездеятельности Наташи растянулся уже до третьего месяца. Я попыталась поговорить в ней, но она и слушать ничего не хотела, отмалчивалась, как бывало всегда, когда она раздумывала над чем-то серьезным. О том, что она собралась ехать искать лучшей жизни в столицу, я узнала уже через несколько дней. Конечно, такой выход из положения меня не устраивал, но я знала, что пытаться отговорить мою сестру от уже принятого и обдуманного решения – бесполезно.

Дальше – события развивались с изумительной быстротой. Наташа поменяла нашу двухкомнатную квартиру, доставшуюся нам от родителей на однокомнатную с доплатой, и уже через неделю мы с ней стояли на вокзале, прощались друг с другой, расставаясь на столь долгий и к тому же – неопределенный срок, наверное, впервые в жизни.

Наташа пообещала мне звонить каждую неделю, и честно выполняла свое обещание. Мы даже договорились о том, что сеанс связи будет происходить каждую пятницу в десять часов вечера – это чтобы я и ли Наташа наверняка были дома.

Вначале я беспокоилась за нее – одна в большом городе ищет применения своей несвоевременной и некоммерческой профессии художника, но потом как-то само собой все улеглось – Наташа говорила мне, что нашла хорошую работу, собирает деньги на квартиру. В чем заключается эта ее работа, она мне так и не сказала. А когда я спрашивала – лепила какую-то ерунду насчет ночных клубов, столичных развлечений и в круг элитарных тусовщиков, в который ее, кажется, собирались принять.

После она со смехом пересказывала мне выдумки московской золотой молодежи, которой некуда девать время и деньги, кроме как на детские игры в колдунов и вампиров, рассказывала про party-шабаши в ночных клубах, а как-то я поняла, что...

В ней что-то надломилось. Когда она звонила мне, она отделивалась сухими фразами о том, что у нее все в порядке, сообщала о таких событиях, как покупка квартиры в почти самом центре Москвы, тоном, будто она приобрела новую разливательную ложку.

Смешить меня рассказами о развлечениях золотых мальчиков и девочек она перестала, а когда я просила ее об этом, срывалась и кричала в телефонную трубку, чтобы я перестала лезть в ее дела.

Потом, конечно, извинялась, плакала... Я не могла понять, что с ней происходит. Я все-ррез забеспокоилась и собралась уже ехать в Москву, когда в одну из пятниц мне, вместо Наташи, позвонили представители отдела по раскрытию убийств какого-то там района города Москвы и сообщили, что моя сестра – Наталья Антоновна Калинова – застрелена в своей собственной квартире. Просили немедленно приехать.

На опознание тела.

Я смогла выйти из своей квартиры только на второй день, после того, как услышала это сообщение. И мне до сих пор... не верится до конца, что я никогда больше не увижу свою сестру.

Еще через два дня я уже была в Москве и разговаривала с оперуполномоченными из отдела по расследованию убийств – с теми, кто занимался делом моей сестры.

Впрочем, занимался – громко сказано. Убийство моей сестры, как я поняла из нескольких частных разговоров, почти сразу же списали в разряд «глухарей» – нераскрываемых дел.

* * *

И тогда я решила сама найти убийцу моей сестры. Я вернулась в свой родной городок, продала квартиру и переехала в Москву. Квартира, принадлежащая Наташе, теперь принадлежала мне – по праву прямого наследования. Я поселилась там.

Не переставлять мебель, не вообще – менять что-либо в интерьере квартиры я не стала. Только вытерла пыль и вымыла полы – особенно то место в прихожей под телефонной полочкой, где два дня засыхало, съеживалось и вгрызалось в пол страшное черно-красное пятно, расплывшееся вокруг головы моей сестры.

В ящике письменного стола я нашла несколько последних фотографий Наташи – и тут же отправилась с ними в парикмахерскую и через пару часов вышла оттуда с такой же точно прической, с какой была на фотографиях запечатлена Наташа.

В шкафах сохранилась одежда Наташи, на эту одежду я сменила свою. В конце концов, когда, стоя перед зеркалом, я решила, что теперь меня от моей погибшей сестры не отличил бы даже самый пристрастный наблюдатель, я поняла, что пришла пора переходить к действиям.

* * *

Как я выяснила позже, Наталья незадолго до смерти, была членом некоего общества. Вернее, не общества, а – Общества. В Обществе процветал культ Сатаны. Главным заместителем низвергнутого ангела на земле называл себя Захар. Ему подчинялись все члены Общества.

Кроме того, Захар осуществлял связь Общества с преступными группировками и некоторыми уровнями администрации города, которых обильно снабжал денежными средствами. Денежные средства он выкачивал из рядовых членов Общества – главным образом из экзальтированных представителей золотой молодежи столицы, которым давал взамен – пространные лекции об их избранности на путь Вечного Зла, возможность тусоваться в ночных клубах, проход в которые для обычных людей был закрыт и что самое главное – иллюзию безумной, увлекательной и притягательно опасной игры.

Насколько я поняла, этот Захар нередко еще и общался с некоторыми столичными толстосумами и высокопоставленными лицами посредством их закабаленных отпрысков, и даже имел какое-то влияние этих на богатых папиков.

* * *

И вот как-то в пятницу – как раз в то самое время, когда мы с Натальей созванивались, пока она была жива, в моей новой московской квартире, зазвонил телефон. Это несказанно меня удивило, потому что телефон был отключен от сети – совсем отключен, на днях я – уже не помню по каким причинам – перерезала телефонными провода.

Тем не менее, я сняла трубку и услышала голос своей сестры...

Истерика моя была непродолжительна, хотя довольно бурна. Сначала я подумала, что это была чья-то злая шутка – кто-то записал на магнитофон голос моей сестры и теперь передавал его мне по телефонной связи, но потом я вспомнила, что несколько минут назад собственной рукой перерезала провода и кабель.

Когда мои рыдания немного утихли, в трубке снова прозвучал так хорошо знакомый мне голос:

– Оля, это ты?

– Да, – нашла в себе силы ответить я.

– Ты меня слышишь?

Я снова ответила утвердительно.

– Ты поняла, кто с тобой разговаривает?

– Но как? – снова плача, спросила я. – Ведь этого не может быть... Ведь это...

Трубка какое-то время молчала, потом моя покойная сестра вновь заговорила – глухо и едва слышно – будто ее голос не передавался по проводам (что, судя по всему, так и было), а летел, несомый ветром, откуда-то издалека.

– У меня слишком много осталось дел на этой земле, чтобы сгинуть бесследно... Все случилось... так неожиданно, да еще в такой момент, когда мне нельзя было уйти так просто...

– Кто это сделал?! – закричала я. – Кто это сделал? Мне нужно знать, чтобы...

– Погоди, – остановила она меня, – у меня осталось совсем немного времени... Я знала, что ты приедешь, и я знала, что ты примешь то решение, которое ты приняла. Но ведь ты, Оля, совсем ничего не знаешь... А времени, чтобы я могла рассказать, у меня нет.

– Наташа... – сказала я, почти не вслушиваясь в то, что говорила мне моя сестра, а только поражаясь тому чуду, что я могу говорить с тем, с кем никогда уже и не думала говорить, – Наташенька... Я когда-нибудь увижу тебя?

– Никогда не увидишь, – прошелестело в ответ, – времени совсем нет... Я должна тебе сказать – помнишь нашу прабабушку Полю?

– Конечно, помню, я каким образом это может быть связано с...

– Времени совсем нет... Бойся Захара, это страшный человек. Это Общество, которое он возглавляет, на первый взгляд может показаться всего-навсего сборищем извращенцев, одной из специфических тусовок, которых так много в столице... Но это не так – я знаю, ты уже это поняла – Захар настоящий преступник, и он действительно обладает экстрасенсорными способностями. И довольно сильными... Я должна сказать тебе самое главное... – ее голос становился все тише и тише, как шелест летящего по ветру все дальше и дальше хрупкого осеннего листочка, – самое главное...

И снова мертвая тишина натянулась на мембране телефонной трубки.

* * *

То, что она хотела сказать мне, я узнала позже. Как выяснилось, и я, и Наташа – обладали исключительными по своей мощности экстрасенсорными способностями, которые достались нам в наследство от нашей прабабушки Поли. Захар открыл и развил эти способности в Наталье и намеревался использовать их в своих целях. Наталья не могла на это согласиться и была убита.

А я избежала смерти. Прежде всего потому, что, выдавая себя за свою сестру, вернувшуюся с того света, провела целое расследование, в ходе которого научилась управлять своим экстрасенсорным даром, и в поединке с Захаром – победила.

Правда, сил, чтобы уничтожить Захара, у меня еще не, я только изгнала его из Москвы. Он – на протяжении нескольких лет – неоднократно пытался добраться до меня и моих друзей – Васику Дылды и Даши – посылал ко мне своих эмиссаров и появлялся сам – все время в других обликах – но ничего у него не получилось.

Однако, я знаю, что время последней битвы еще не пришло...

Глава 2

На Дашиной машине мы домчали до ее дома действительно – меньше, чем за полчаса. Минут за двадцать. Время часа пик на дорогах уже прошло, основной поток машин схлынул, да и автомобиль у Даши был что надо. Я, честно говоря, жалела, что поездка окончилась так скоро – одно удовольствие ездить на приземистой юркой «Ламборджини-Диабло» последнего года выпуска.

Надо сказать, что мои друзья – Васик Дылда и Даша – дети очень и очень состоятельных родителей. В свое время Даше и Васику позволялось многое – например, после окончания высших учебных заведений нигде не работать и жить, тем не менее, на широкую ногу. Такое вот божественное существование этих двух представителей золотой молодежи города Москвы и довело их до того, что они попали в сети Общества Сатаны, которым руководил тот самый Захар.

По гроб жизни мне теперь благодарны Даша и Васик, а в особенности – их состоятельные и многострадальные родители – за то, что благодаря мне несколько лет назад Общество прекратило свое существование, а сам Захар надолго исчез из Москвы.

Да, это все осталось в прошлом. Теперь Даша занимается делом, которое ей очень нравится. Васик на днях собирается жениться и, по слухам, тоже хочет найти себе занятие по душе. Вот будет потеха, если Васик и на самом деле займется каким-нибудь делом! Никогда не видела его никаким другим, кроме как праздношатающимся, выпимши, поддатым, под мухой и вдребезги пьяным.

Впрочем, он в последнее время – под влиянием молодой невесты, которая никак почему-то все не станет его законной женой – девушки Нины, с которой я тоже успела подружиться – почти совсем не пьет...

Итак, Даша остановила машину у своего подъезда.

– Вот, – сказала она, – приехали. Квартира номер пятьдесят...

– А ты? – спросила я.

– Что?

– А ты не пойдешь со мной? – повторила я вопрос. – Все-таки я человек для этих твоих студентов совершенно незнакомый... Как это я буду врываться к ним просто так?.. Они же все-таки люди... Пусть даже несколько и не в своем уме.

– Извини, – сказала Даша, – но я не могу. Как только вспомню про все это мне тут же дурно становится. Понимаешь, я такого никогда не видела – люди явно не сумасшедшие, но ведут себя... как сумасшедшие... Будто бы их кто-то зомбировал. Дергает за ниточки, словно марионеток, и заставляет для своей потехи всякие штучки вытворять. Черт возьми, гнусь какая-то... И не наркоманы они – это точно. Вполне приличные ребята, студенты престижного вуза, вежливые такие, веселые... Никак не могут они быть наркоманами. Я-то могу наркомана от нормального человека отличить – я ведь в детском центре реабилитации работаю, а сейчас детишки такие – с пяти лет курят, с шести водку пьют, а колоться начинают как только в первый класс пойдут...

Даша передернула плечами.

– Да, – добавила она, – А то, что происходит с моими соседями – это точно по твоей части. Па-ра-но-р-маль-но-е яв-ле-ни-е, – выговорила она по слогам и внезапно вздрогнула.

Делать нечего, я вышла из машины и направилась к подъездной двери.

Через несколько минут я уже стояла перед дверью квартиры номер пятьдесят.

Прислушалась – вроде ничего не слышно. Из замочной скважины и правда несло чем-то мерзким.

Я нажала на белеющую в подъездной полутьме кнопку дверного звонка.

* * *

Только позвонив несколько раз подряд и не получив никакого ответа, я заметила наконец, что дверь незаперта. Очевидно, Даше, выбегавшей в ужасе из этой квартиры, не до того было. Тихонько толкнув дверь, я переступила порог и, оказавшись в прихожей, остановилась как вкопанная.

Я даже вздрогнула от неожиданности – прямо на полу у стены прихожей неподвижно сидел абсолютно голый молодой человек, едва прикрытый нечистой столовой скатертью. На голове у молодого человека красовалась рогатая телевизионная антенна.

– Здравствуйте, уважаемые телезрители! – гаркнул молодой человек, едва увидев меня. – В эфире очередной выпуск программы «Новости России».

Проговорив это, молодой человек замолчал. Осторожно переминаясь с ноги на ногу, я ждала, что будет дальше.

– Вчера в половину десятого утра, – снова заговорил молодой человек, покачивая водруженной на голову антенной, – под покровом кромешной ночи войска японо-китайской коалиции вероломно перешли границу у реки. Шел отряд по берегу, шел издалека, но по данным Государственного разведывательного управления...

«Ага, – догадалась я, слушая бессмысленное бормотание молодого человека, – кажется, это студент Петя, который час назад воображал себя Гаем Юлием Цезарем Долгоруким... Сейчас, очевидно, он считает себя телевизором. Ну что ж, мне еще очень повезло – телевизор предмет неодушевленный, следовательно, безобидный. Бубнит и бубнит, никому не мешает... А где же сожители Пети? Этот... Юра и тот, чьего имени Даша не помнит? Юра... который готовил блюдо из земляных червей и угощал всех... А третий... Насколько я поняла, тот, без имени, воображал себя собакой – это уже хуже – может наброситься и покусать. Или он тоже воображает себя кем-то... или чем-то другим?»

Стараясь не задеть в узенькой прихожей беспрерывно говоривший «телевизор», я по стеночке пробралась в гостиную.

– Этот инцидент в солнечной Южно-Африканской республике нельзя считать исчерпанным до тех пор, пока новая порода пингвинов, выведенная в столице республики не будет взята на учет государственным учреждением по... – несло мне вслед малоразборчиво и почти непонятное бормотание, – каждый заработанный доллар эскимосы Финляндии вкладывают в только что образовавшуюся сеть фабрик по изготовлению молочных продуктов, которая получила звучное название Хельсинское Управление Йогуртов... Хельсинское Управление Йогуртов – или как сокращенно называют это предприятие...

То, что я увидела в гостиной, поразило меня куда меньше того, что я увидела в прихожей. В гостиной – большой и светлой комнате – под батареей, между двумя старыми раскладушками спал голый молодой мужчина, заботливо укрытый дырявым пледом. Немного удивляло то, что мужчина, кстати, с ног до головы обильно черноволосый, словно представитель известной южной народности, был привязан за шею к батарее кожаным поясным ремнем.

Больше ничего интересного в гостиной не было.

Я вышла в прихожую и огляделась. Прямо передо мной была дверь в другую комнату, а через несколько шагов коридорчик прихожей поворачивал и заканчивался, надо думать, кухней, откуда все еще довольно ощутимо несло какой-то гадостью – очевидно, вареными червями.

– А сейчас, – снова заголосил человек-телевизор Петя, – представляем вашему вниманию сентябрьский выпуск «Рождественских вечеров с Аллой Пугачевой», посвященный майским праздникам, – тут Петя принялся издавать губами какие-то странные звуки, судя по всему,

имитируя заставку к передаче, а через несколько минут немзыкально завопил на всю квартиру:

– Привет, приве-е-ет!!! Пока, пока-а-а-а!!! Я очень буду жда-а-а-ать...

Я открыла дверь в соседнюю комнату. Хм, интересно... Я так понимаю, в этой квартире проживают трое молодых людей. В соседней комнате две раскладушки, а в этой – шикарная громадная кровать, в простонародье именуемая траходромом. И больше никакой мебели не было в комнате. Странно получается – двое ютятся на раскладушках, а третий роскошествует на траходроме. Или они по очереди спят здесь? Или каждый вечер разыгрывают – кому достанется шикарная постель?

Ясно, что это постель не пустует, видно, что на ней спят, хотя она и довольно аккуратно заправлено. Так аккуратно, что даже и не верится, что это мужчина заправлял.

А может быть?..

Ладно, оставим несущественные детали и продолжим обход квартиры. Конечно, никаких сомнений у меня не осталось в том, что здесь странные дела творятся. Но вот как-то объяснить все?

Использовать свои экстрасенсорные способности?

Нет, сначала посмотрим, что там у нас на кухне.

Я снова вышла в прихожую.

– Это не реклама! – встретил меня человек-телевизор Петя рокочущим басом. – Это предупреждение! Если кто из вас не будет пользоваться шампунем «Пантин Про-ви», такая падла тут же облысеет, окосеет и подохнет... «Пантин Про-ви», генеральный спонсор концерна «Логоваз». Кто не знает «Логоваз», тот последний...

Прервав себя на полуслове, человек-телевизор Петя разразился сатанинским хохотом и умолк, будто его выключили. Я продолжила свой путь на кухню, но не успела сделать и нескольких шагов, как навстречу мне – из туалетной комнаты вывалился еще один молодой человек – на этот раз, ради разнообразия, полностью одетый – в довольно приличный костюм-тройку и при галстук.

Не удержавшись на ногах, молодой человек со стоном повалился на пол.

Я проворно отпрыгнула – черт его знает, что от него можно ожидать. Может быть, он себя Джеком-Потрошителем вообразил или еще кем-то в этом роде... Да ведь это, насколько я поняла, тот самый студент Юра, который приходил к Даше спрашивать пару сушеных лягушек для соуса.

– Помогите... – прохрипел Юра, поднимая голову, – вызовите... врача...

Он хотел сказать что-то еще, но приступ чудовищного кашля помешал ему.

– Что случилось? – спросила я, не веря тому, что в этой квартире оказался один вроде бы здравомыслящий человек в трезвом уме и соответствующей памяти.

– Врача... – снова прохрипел Юра, – я, кажется... отравился... Живот болит и рвет... меня... Рвет, как из ведра...

– Тошнит? – переспросила я.

– Тошнит, – простонав, подтвердил Юра, – сил никаких нет... В голове туман, в животе кошмар... И вокруг кошмар какой-то творится.

– Московское время – двадцать три часа пять минут, – сообщил человек-телевизор Петя, хотя ранее утро еще только начало развеиваться. – В Токио – пять градусов выше тепла, в Зимбабве плюс двадцать четыре ниже нуля. В Петропавловске Камчатском – полночь...

– Вот видишь?.. – едва не плача, выговорил Юра. – С ума все сошли... И неизвестно почему. Вызови врача, пожалуйста... Врача!

– Спокойно! – проговорила я, присаживаясь на корточки возле Юры. – Я и есть доктор. Сейчас попробую тебе помочь...

– Что значит – попробую? – простонал Юра, обеими руками глядя себе живот. – Сделай укол или еще что-то... Или вообще – усыпите меня... Господи, как мне плохо... А где Анзор?

– Гав! Гав! – донеслось из соседней комнаты.

– В эфире еженедельная передача «В мире животных», – немедленно завелся человек-телевизор Петя, – как известно, каждое уважающее себя животное нуждается в вязке. Вяжутся все – и обезьяны, и бегемоты, и крокодилы, и кашалоты и даже зеленый попугай...

– Гав! Гав!!! Гав-гав-гав!

«Третьего, значит, Анзором зовут, – промелькнуло у меня в голове, – и он все еще воображает, что он – собака... Что ж, если Юра уже вполне адекватно воспринимает действительность и не стремится попотчевать кого-то вареными червями, то это значит, что одурение у него прошло. Но на смену помутнения рассудка пришло расстройство кишечника. И довольно серьезное, судя по всему. Ну, помочь этому несчастному – вполне в моих силах...»

Я погладила Юру по голове. Космическая энергия, циркулирующая по моему телу, понемногу начала концентрироваться в кончиках моих пальцев, и когда тепло в пальцах стало невыносимым, я позволила живительной силе энергии проникнуть сквозь волосяной покров на Юриной голове, кожу и кости черепа – в его мозг.

Через минуту он стал засыпать. Боль его успокоилась и погасла, желудок успокоился.

Юра закрыл глаза.

– Теперь хорошо... – прошептал он, бледно улыбаясь, – теперь спокойно... Тепло так... Туман, туман был в голове... Потом вдруг рези в желудке и рвота... Рвота, а туман в голове рассеивается... Потом хорошо... Тепло...

Улыбаясь, он заснул.

Из соседней комнаты неся неистовый лай Анзора. Человек-телевизор Петя бубнил себе под нос что-то об особенностях брачного периода у южно-американских аллигаторов:

– Как известно, аллигаторы живут очень долго. Период полового созревания аллигатора-самца наступает где-то после третьего века нашей эры. Достигнув этого возраста, аллигатор-самец способен спариваться с кем угодно. Нередки такие случаи, когда аллигаторы выходили на охоту в прерии, загоняли стадо бизонов и устраивали брачные пиршества. Аллигатор-вожак отбирал себе самых крупных и здоровых самочек, а остальные бизоны доставались аллигаторам более мелких размеров... Птицы, кружащиеся над прерией, могли наблюдать... Перелетные птицы...

– Гав-гав-гав!!! Гав!

– Летят перелетны-ы-ы-е птицы-ы-ы-ы!..

«Дурдом, – подумала я, – однако, чем это так пакостно воняет на кухне?»

Я направилась на кухню. Но как только взгляд мой пал через открытую дверь на обеденный стол, я замерла, как вкопанная – прямо на пороге.

Понятно теперь, от чего так корежит несчастного студента Юру – на обеденном столе стояли четыре прибора (один, как я поняла, предназначался для зашедшей в гости Даши). Четыре тарелки, доверху наполненные разбухшими в кипящей воде земляными червями, источавшими невыносимый смрад. Та тарелка, что стояла ближе всего ко мне была почти полностью опорожнена, а рядом валялась вилка, к которой присохла половинка толстого червяка.

– Да, – вслух произнесла я, – приятного мало... Студент Юра первым удосужился попробовать блюда собственного приготовления – и совершенно неудивительно, что почувствовал рези в животе и тошноту. Надо думать, он отобедал, будучи еще в бессознательном бредовом состоянии, в котором и посейчас находятся человек-телевизор Юра и тот самый... Анзор, который воображает себя собакой.

Но ведь студент Юра сейчас мыслит вполне здраво. И изъясняется понятными словами. Скорее всего, потому что он... как бы это... при помощи своих червей избавился от содержимого своего желудка.

Так, значит, получается, что студенты вовсе не сошли с ума, а просто скушали что-то не то... Юра протошнился и теперь спокойно заснул, излеченный моими биотоками от острого желудочного несварения.

– Ну, так я знала, – проговорила я, осторожно приближаясь к кухне, – ничего сверхъестественного здесь нет. Просто ребята – как и положено студентам – решили попробовать какого-нибудь психотропного средства и из-за неумелой дозировки получилось такая история... Интересно все-таки, что они съели?

Я осмотрела кухню и заметила на буфете небольшой тряпочный мешочек. Подняла мешочек – он был совсем легкий, будто пустой. На дне его я обнаружила остатки сушеных грибов, растерла один из грибков в пальцах, понюхала и рассмеялась.

Да, так и есть – это галлюциногенные грибы, вполне природная и качественная отравка. Помнится, когда я училась в художественном училище в своем родном городке под Вяткой один мой сокурсник каждое лето мотался в Санкт-Петербург – у него там жила бабушка. Погостив денек у бабушки, он брал мольберт, рюкзак и на неделю исчезал в лесах под Питером – «ходил на пленэр», как он объяснял бабушке...

Приезжал этот товарищ в конце лета с совершенно сумасшедшими глазами и приносил с собой мешок галлюциногенных грибов, которые в большом количестве произрастали в лесах под Питером. Вот только не помню, как правильно эти грибы называются... Он многих в училище угощал чудо-грибками, мне предлагал несколько раз, рассыпая в ладони сухие землистые комочки с характерным запахом... Но я отказывалась.

Я даже рассмеялась.

Насколько легкой оказалась отгадка. Студенты вовсе не сошли с ума, просто достали где-то галлюциногенные грибы и съели больше, чем требовалось – новички, наверное, в первый раз. И хорошо, что так все хорошо кончилось – Юра, пав жертвой собственной галлюцинации, первый освободил желудок от адской отравы, через несколько часов, надо полагать, от наркотического дурмана отойдут и остальные.

«Только вот надо, наверное, избавиться от остатков червей, – подумала я, – если ребятки, очнувшись, увидят, чем их угощал Юра... то за последствия я не поручусь. А вот если сам Юра увидит, из-за чего у него живот болел... Не знаю, я бы на его месте еще неделю не отходила бы от унитаза. Ладно. Надо спуститься к Даше и сказать, что ничего страшного нет. И нечего было, кстати говоря, меня из-за таких пустяков беспокоить... А червяком спущу в унитаз».

Так я и сделала.

А потом покинула квартиру, провожаемая бессмысленными воплями человека-телевизора Пети и оглушительным лаем привязанного к батарее Анзора.

– Смотрите на нашем канале новую телевизионную версию романа Бориса Акунина «Приключения сыщика Бандурина», – надрывался Петя. – Герой романа попадает в мир межгалактический войн, где знаменитого сыщика окутывает атмосфера тонкой эротики и изысканного шарма, оставляя зрителя в приятном недоумении относительно жанрового разнообразия этой книги, судя по отзывам самого автора, несомненно лучшей в истории мировой литературы... В роли Джеймса Бонда – Факундо Арана; черепаха Тортилла – известный трагик Попояс-Дрыгаило; Бандурин – братья Поползухины, Настасья Филипповна – Ефим Пурак; Акунин – дурак...

– Гав-гав-гав-гав!!!

* * *

Первое, что я увидела, когда вышла из подъезда, была Дашина машина. Даша сидела за рулем, нервно курила, а перед машиной бегал, то и дело вскидывая руки вверх, наш общий друг Васик Дылда.

Его машина – большой приземистый черный джип с нарисованным на капоте рогатым черепом – стояла немного поодаль.

Невооруженным глазом было видно, что Васик чем-то очень обеспокоен, когда я мельком увидела его бледное, перекошенное лицо и летящие по воздуху длинные всклокоченные пряди черных волос, то поняла, что он не просто обеспокоен, он здорово взволнован. А когда Васик остановился и, опять воздев руки вверх, испустил истощенное матерное ругательство, я догадалась, что Васик Дылда взвинчен просто до предела.

– Что еще случилось? – осведомилась я, останавливаясь у Дашиной машины.

Даша вздрогнула при моем неожиданном появлении, а Васик устремился ко мне.

– Ольга! – заорал он, обхватив меня за плечи длинными костистыми руками. – Только ты одна мне можешь помочь! Только на тебя надежда!!!

– Прекрати истерику, – проговорила я, безуспешно пытаясь высвободиться из цепких объятий Васика, – объясни толком, в чем дело?

– Только ты одна мне можешь помочь!

– Знал бы ты, сколько раз за последние несколько лет я слышала эту фразу, – вздохнула я, – и сколько раз я слышала эту фразу за сегодняшний день, – добавила я, посмотрев на выбравшуюся из машины Дашу.

– Ну как там? – тревожно спросила она.

– Ольга! – перебивая ее, снова завопил Васик. – Выслушай меня! Верить ли – жизнь моя решается! Все только от тебя одной зависит! Жизнь решается, жизнь...

– Васик! – строго прикрикнула я. – погоди минутку... Не ори и не стискивай так мне плечи – больно!

– Ольга!!! Жизнь...

– Так как там они? Я уж боялась, не случилось ли там чего, ты так долго была...

– Я сейчас все расска...

– Ольга! Пойми, только ты – одна на всем белом свете – можешь меня спасти! Я...

– Ты все уладила? Господи, я так беспокоилась...

– Ольга!!!

– Тихо! – закричала я, доведенная наконец до отчаянья. – Давайте по-порядку! Васик со своей очередной проблемой мирового масштаба потерпит пять минут, а я пока опишу Даше ситуацию... Кстати, как ты здесь оказался?

– Позвонил тебе домой, тебя дома не было... Позвонил Даше на мобильный, она сказала, где ты находишься. Ну, я и приехал... Оля, вот, если честно, то я на самом деле на грани помешательства. Ты веришь...

– Пять минут, – сказала я, демонстрируя Васику растопыренную пятерню, – иначе вообще тебя слушать не буду. Понял?

– Понял, – пробурчал Васик, сникая.

Он отпустил наконец меня, отступил на шаг и замолчал, раскуривая сигарету.

– А еще подруга называется... – проговорил он только.

– Ну, что там? – в который раз спросила Даша.

– Ничего особенного, – махнула я рукой, – все в порядке вещей. Ребята веселились и не рассчитали дозу.

– Они что – принимали наркотики? – ахнула Даша. – А так и не скажешь по ним – нормальные ребята... Нет, – вдруг нахмурилась она, – ты что-то не то говоришь. Я в детском реабилитационном центре работала, я знаю, кто такие наркоманы и что такое наркотическое опьянение... Это было что-то не то...

– Грибы, – проговорила я.

– Что – грибы?

– Галлюциногенные грибы, – объяснила я, – ребята решили попробовать кайфа и съели чудо-грибов гораздо больше, чем того следовало бы. Ничего страшного – очень скоро они придут в себя. И – я уверена – в рот больше этой гадости не возьмут.

– Грибы... – пожала плечами Даша, – где-то под Питером есть такие леса, да? Там грибы растут галлюциногенные... Я помню, мне рассказывали. Только в последнее время этого кайфа трудно достать где-нибудь – в тех лесах теперь ментов понатыкано больше, чем деревьев... Хм, вот уж не подумала о грибах... Ведь наркотическое опьянение, наступающее при употреблении галлюциногенных грибов в достаточной степени отличается от наркотического опьянения, наступающего при употреблении синтетического зелья... Ольга... – Даша вздохнула и жалобно посмотрела на меня, – прости, пожалуйста, что я тебя зря потревожила. Но я так испугалась. Прости... Просто я всегда в экстремальных ситуациях паникую немного больше, чем следовало бы... А с этими наркоманами я вообще больше общаться на буду...

– Можно теперь я? – спросил нетерпеливо переминающийся с ноги на ногу Васик и, не дожидаясь ответа, зататорил:

– Понимаешь, Ольга, мне очень нужна твоя помощь. Я знаю, ты всегда поможешь, когда что-то случается не то. Тем более, если дело пахнет чем-то сверхъестественным... У меня страшная беда приключилась...

– Васик, – взмолилась я, – не тараторь так, я ничего не понимаю... И вообще – что я вам – бюро помощи, что ли? Я ничего не имею против того, чтобы помочь, когда действительно случается беда... проблема, требующая моего специфического вмешательства... Но нельзя же так! Из-за каждой ерундовины бежать ко мне. Есть же милиции, в самом деле... Скорая наркологическая помощь... А у меня отпуск! Первый за все время работы! Я хоть немного хочу отдохнуть! Воспользоваться своим конституционным правом законопослушного гражданина! Я человек, в конце концов, или не человек?!

– Человек, – подтвердила пристыженная Даша, а Васик неожиданно серьезно сказал:

– Ты – охотница на ведьм.

И добавил:

– Моя проблема действительно не пустяк. Я тебя, Ольга, очень прошу помочь мне. Если сможешь... Хотя бы просто выслушай. Хорошо?

– Хорошо, – вздохнула я, – рассказывай.

И Васик начал рассказывать.

Глава 3

– Понимаешь, – начал он, мгновенно становясь задумчивым и подавленным, – у нас с Ниной снова начались нелады...

– Опять двадцать пять, – пробормотала Даша, – вы прямо как... я не знаю... Сколько времени уже живете вместе, а до сих пор цапаетесь. Вы уж что-нибудь одно – или поженились, или...

– В том-то и дело, – уныло проговорил Васик, – как только мы соберемся, так сказать, официально регистрировать свои отношения, нам постоянно что-то мешает. Прямо мистика какая-то. Помните, что было в прошлый раз?

Мы с Дашей кивнули.

Еще бы не помнить. В прошлый раз – несколько месяцев назад – Васик окончательно уговорил свою подругу жизни Нину выйти за него замуж, клятвенно пообещав перестать сидеть на шее у своего состоятельного папы и найти себе занятие хорошо оплачиваемое и по душе. В качестве отступного Васик выторговал себе у Нины разрешение на небольшой мальчишник, который он собирался устроить в одном из небольших баров города. Вот тут-то все и началось.

Мальчишник, устроенный Васиком с соответствующим размахом, конечно, получился шумный и закончился – как того и следовало ожидать – милицейским отделением, куда забрали всех участников мальчишника, кроме самого Васи́ка, которого его закадычный дружок Пункер отправил на собственной машине в гости к проститутке Свете. Мертвецки пьяный Васик ничего не имел против и очнулся через несколько часов – голый и ужасно продрогший – в заброшенном доме на окраине Москвы. Если бы не предупредительность Нины, то он легко мог бы замерзнуть к чертям собачьим – Нина, руководствуясь принципом «как бы чего не вышло» – через Дашу – попросила меня, проследить за Васиком, что я и сделала, используя, конечно, для этого свои экстрасенсорные способности.

Мы с Дашей подобрали Васи́ка, завернули в чехлы автомобильных сидений и хотели было уже вести домой – передавать с рук на руки Нине, но тут произошло неожиданное... Очень долго все пересказывать, но суть дела была в том, что та самая Света была не просто проститутка, а искусная жрица любви, к тому же обладающая, как и я, недюжинными экстрасенсорными способностями, которые она успешно использовала для того, чтобы подчинять себе сознания своих клиентов и качать из них деньги... Да тут еще и влюбленный в Свету бывший воин-десантник, бывший одноклассник Даши Антон, который во чтобы то ни стало хочет спасти Свету от жестокого мира, совершенно не догадываясь, кто она на самом деле.

А на самом деле – как выяснила я много позже – Света являлась эмиссаром моего смертного врага – Захара. И вовсе не деньги Васи́ка – вернее, Васи́кова папочки – ей нужны были, а нужна была ей моя жизнь. И, если бы не помощь моих старых друзей и вечно пьяного священника-тяжеловеса отца Никодима, мне бы пришлось туго.

Но, к счастью, закончилось все неплохо. Единственным минусом было, правда, то что, Васик появился дома только через двое суток после мальчишника. Этот прискорбный факт огорчил Нину настолько, что она решила снова отложить свадьбу на неопределенный срок – по крайней мере, пока не заживут длинные царапины от ногтей на Васи́ковой виноватой физиономии. Но уже через месяц дело снова уверено шло к свадьбе, а еще через месяц – в мой первый день отпуска, только я, освободив свое сознание от повседневных рабочих забот, прилегла на софу с книжкой, купленной вот уже неделю назад, но все никак не прочитанной из-за хронической нехватки времени, в дверь моей квартиры раздался звонок, да, да... Даша вбежала в прихожую, едва не сбив меня на пороге. Волосы ее, как вы помните, были растрепаны, а лицо залито слезами – чему я, в принципе, не удивилась, отлично зная свою старинную подругу –

вечно она расстраивается из-за каких-нибудь пустяков, возводя их в статус из ряда вон выходящих событий. И, конечно, бежит за помощью ко мне.

Вот и сейчас – то и дело прерывая свое повествование рыданиями – Даша начала рассказывать мне об очередном ужасном происшествии, оказавшемся совершеннейшим пустяком. А потом вот Васик...

– А теперь что произошло? – осведомилась я.

Васик закатил глаза, потряс головой, наморщился, но все-таки ответил:

– Не могу понять... Голову себе сломал, но все равно – не могу понять... Вроде все как всегда, но что-то не так... Ну, прямо полоса неудач какая-то... То мы договоримся к моему папаше ехать, а машина сломается у меня прямо на дороге... То вот... как-то я доставал со шкафа для Нины ее старую шляпку и шкаф уронил. Чуть не прибил себя и... ее тоже – Нину. Однажды утром просыпаемся, Нина с кровати ноги спустила и ка-ак закричит! На полу вода по колена! Оказалось, что водопровод засорился... оттого что я в унитаз мусор выкидываю, чтобы к мусоропроводу каждый раз не таскаться. Ну... Купил ей цветов как-то раз – в крутом магазине, какие-то диковинные цветы, бешеных денег стоят, а Нины понюхала их и в обморок – у него, как выяснилось на эти цветы аллергия... Или вот недавно – полез я прибивать гвоздь для картины, вдарил молотком раз, а стена провалилась! И я сквозь стену загремел из кухни в прихожую, через которую как раз шла Нина! Едва не убил ее и до полусмерти напугал!

– Я бы после такого тоже ушла, – вполголоса проговорила Даша.

– Как-то странно себя Нина ведет... – не обращая на нее никакого внимания, продолжал Васик, – а сегодня утром я просыпаюсь – ее в квартире нет. А на кухне записка... А в записке – одно слово...

Васик замолчал и потупил глаза. Длинный нос его подозрительно подергивался.

– Какое? – шепнула Даша.

– Прости... – всхлипнул Васик, – вот какое слово было в записке – «прости»... И все. И нигде ее нет. Она ушла. От меня.

Тут Васик передернул плечами, стремительно отвернулся от нас и пошел к своей машине. Уселся в кабину и положил патлатую голову на руль.

Длинный пронзительный гудок раздавался по окрестностям до тех пор, пока разрывающийся Васик не догадался убрать свой лоб от кнопки автомобильного сигнала.

* * *

Григорий Иванович Свечников посмотрел на часы.

– Быстрее нельзя? – сказал он шоферу такси. – Так мы на самолет опоздаем. У меня командировка сорвется. Самолет через два часа, а сейчас уже половина третьего ночи... Командировка через день закончится, мне в свой родной надо в срок вернуться – меня дела ждут.

– Успеем, – проговорил шофер, но скорость все-таки увеличил.

– Это тебе не хухры-мыхры, – добавил Свечников ворчливо, – конференция в Москве! Тема – развитие современных периферийных СМИ! Понял? И меня пригласили. А я – главный редактор газеты «Тажные новости». Знаешь, город такой в Сибири есть – Таежный? Так вот там признали мою газету лучшей в регионе. Потому и пригласили. Понял? Потому что газета лучшая в регионе.

«И, наверное, единственная», – мрачно подумал шофер. Ему уже жуть как надоел болтливый пассажир.

– Ага, ага, – продолжал Свечников, – два дня конференция была, а сегодня нас возили в дом отдыха... Шашлыки, вино, то-се... Правда, я не пью и острого не ем – возраст... Но все

равно приятно отдохнул. Так наотдыхался, что едва про самолет не забыл. Тебя вот пришлось вызывать, такси, то есть...

Машина такси летела по трассе недалеко за пределами Москвы. Свечников замолчал ненадолго, замечтавшись о родной редакции, даже, кажется, нечувствительно прикорнул.

– Дорога тут хреновая... – негромко сказал шофер.

– Что? – отвлекся Свечников от своих мыслей, вившихся вокруг предстоящего доклада в родном городе Таежный и несомненно блестящем выступлении на конференции, как мухи вокруг банки с медом.

– Дорога, говорю, хреновая, – повторил шофер, – там дальше вообще будет – абзац. Ремонтировали, ремонтировали, а ни хрена не сделали... Лучше скорость снизить. А то так недолго и того... Тем более – ночь. Не видно ни черта собачьего.

– Давай помедленней, – разрешил Свечников, – только смотри мне – на самолет опоздаем – я тебе голову оторву. Да, да, позвоню мэру Лужкову, он тебя с работы выгонит. А я ведь с Лужковым за руку здоровался. Он на конференции тоже был. Поздоровался за руку, с теми, кто ближе был и уехал тут же. И телевизионщики с камерами почти все уехали сразу...

Шофер значительно снизил скорость, и тут машина вдруг подпрыгнула, потом, продолжая двигаться вперед, с визгом развернулась и стала.

– Это что еще? – выдохнул побелевший от внезапности редактор.

– Все, – сказал шофер, – приехали. Я же говорил. А если бы скорость не снизили...

Шофер вышел из машины, яростно хлопнув дверцей. Прошел назад и что-то стал искать на дороге.

Свечников тоже выбрался наружу.

– Какой-то мудака гусеницу от трактора оставил на дороге, – сказал шофер, – ну люди...

Он вернулся к машине, обошел ее вокруг.

– Два колеса, – печально констатировал он, – час придется тут проторчать.

– Час! – завопил Свечников. – Мы точно на самолет опоздаем!

– А я что могу сделать? – огрызнулся шофер. – Я, что ли, виноват? Два колеса пропороты – менять надо. И клеить. Хотите – звоните вашему Лужкому... Только скажите, что того раздолбая, кто гусеницу оставил, тоже попереть с работы надо...

– ... – выругался Свечников.

– ... – подтвердил шофер, – а что делать-то?

Свечников скрипнул зубами и отвернулся от покалеченной машины.

С по одну сторону трассы тянулись распаханые поля, по другую – уже через несколько метров начиналась лесопосадки – елочки, словно подстриженные под линейку, ровным забором стояли вдоль дороги.

– Я сейчас, – крикнул Свечников шоферу, копающемуся в багажнике и начал спускаться с насыпи трассы.

– Куда вы? – поднял голову шофер. – Отвернитесь от машины и делайте свои дела. Тут все равно никого нет. А я не смотрю. Там – в темноте – еще ногу сломаете...

Свечников только отмахнулся от него.

Шофер вспомнил вдруг десять минут назад рассказанную историю о том, как редактор выбивал себе помещение для отдельного от сотрудников туалета, и кричать больше не стал.

«Щепетильный какой, – подумал он про Свечникова, – делал бы, где все люди делают. Не выпендривался бы. Что у него – золотой, что ли, чтобы так стесняться? Ох уж мне эти провинциальные начальники. Сколько лет таксистом работаю, а более пакостного народа не встречал».

Свечников, расстегивая на ходу брюки, подошел к ближайшему дереву. Потом оглянулся на машину – шофер зажег фонарь и при его свете пытался менять колеса. Свечникову все

казалось, что как только он присядет вот тут под деревом, луч фонаря тут же упадет на него и выхватит из темноты в самой унижительной для взрослого уважающего себя человека позе.

– Как специально светит... – со злобой пробормотал Свечников, заходя подальше за деревья.

Там он приспустил брюки и присел, став похожим на старого ощипанного орла. Через несколько секунд облегченно выдохнул и достал из внутреннего кармана специально приготовленные для подобных случаев мягкие салфетки – у Свечникова последнее время были нелады с желудком – возраст, вероятно сказывался.

Слева от него послышались какие-то шорохи.

– Это еще что? – громко и угрожающе проговорил Свечников, думая, что это неумный шофер для каких-то целей пожаловал сюда. – Вам что тут надо?

Свечников поднял голову и увидел того, кто подошел к нему.

Рот Свечникова приоткрылся, а глаза расширились до пределов, едва ли дозволенных размерами глазниц. Перед ним стоял совершенно голый человек.

Но не это поразило Свечникова так, что он не мог произнести ни звука – у голого человека было бледное-бледное лицо – словно простыня, вокруг глаз лежали глубокие тени, а над нижней губой угрожающе поблескивали острейшие на вид клыки.

Незнакомец молчал. Только темные глаза из-под набрякших век смотрели прямо на Свечникова внимательно и злобно.

– Мама... – тихо проговорил Свечников и больше ничего проговорить не смог, потому что незнакомец вдруг хищно опустился на колени, рванул Свечникова за седовато-пегие волосы и, запрокинув ему голову, приник губами к запульсировавшей синей жилке на его шее – будто бы для страстного поцелуя, но на самом деле, вонзая в плоть главного редактора лучшей в регионе газеты «Таежные новости» длинные острые клыки.

* * *

Шофер оглянулся и увидел редактора, поднимающегося на насыпь.

– Скоро у тебя готово будет? – издали еще крикнул редактор.

– Скоро, скоро... – проворчал шофер, – полчаса еще...

– А можешь не торопиться, – проговорил редактор Свечников, закуривая.

– Почему? – изумился шофер, немедленно вынырнув из багажника.

– А потому что я решил не улетать из Москвы, – пояснил Свечников и покосился на какие-то темные пятна у себя на брюках, – вляпался куда-то в темноте... – с досадой проговорил он.

– Как это – не лететь?... – все не мог поверить шофер. – Вас же приглашали... На конференцию. А вы ведь... главный редактор... в городе Таежный. Лучшая в регионе газета... «Таежные новости»...

– Мало ли что, – спокойно покуривая, проговорил Свечников, – у меня много дел в столице. А родной город и газета подождут.

– Н-ну... – выговорил шофер и снова склонился над открытым багажником – он искал там какой-то инструмент.

Свечников обошел вокруг машины и снова остановился позади шофера. Шофер никак не мог найти нужный ему инструмент и нервничал поэтому, но еще больше нервничал оттого, что редактор, внезапно решивший не лететь в родной город, безмолвно стоит у него над душой.

Отыскав, наконец, то, что ему было нужно, шофер выпрямился и окаменел от внезапного ужаса – прямо на него шел, раскинув руки, редактор Свечников – но не тот болтливый старик, который брызжал всю дорогу от дома отдыха, а совершенно преобразившийся Свечников –

седые волосы растрепались вокруг его головы на манер неряшливого нимба, глаза сузились и глубокие тени легли под ними, а из широко открытого рта торчали два совсем звериных клыка.

Шофер задохнулся и вместо крика из его глотки вырвался тонкий писк. Он отступил назад, но наткнувшись на задний бампер, упал на колени. Попытался встать, но ноги, очевидно, совсем не слушались его – шофер, всхлипывая и подвывая от непереносимого ужаса, прополз несколько шагов в сторону схода с насыпи.

Редактор Свечников несколько мгновений, словно колеблясь, стоял на месте, потом, неуклюже размахивая руками, точно крыльями, ринулся вдогонку за ползущим человеком и, настигнув его, коршуном упал вниз.

* * *

Даша отправилась домой отдохнуть от приключившихся за сегодняшнее утро безобразий, а меня Васик пригласил – надо сказать, довольно настойчиво – выпить с ним чашечку кофе в ближайшем кафе.

– Не хотелось при Даше говорить, – начал Васик, как только мы уселись за столик, – но... у меня к тебе еще один разговор. Не разговор, вернее, а... продолжения того, что я тебе, так сказать, поведал.

– Да, – сказала я, – слушаю. Только у меня вопрос к тебе. Можно?

Васик кивнул, разрешая.

– Как ты сам определяешь для себя причину ухода Нины? – спросила я.

– Да никак! – поморщившись, воскликнул Васик. – Я же тебе говорил уже! Никак и все! Не было никаких объективных причин. Она ушла и все. Вот тут-то самое загадочное... Вроде мы не ссорились... Ну, я говорил тебе... Боюсь, что не смогу объяснить так, как надо... Она себя вела в последнее время как-то... Черт возьми... Вроде так, а вроде и не так... Я чувствовал, что что-то случилось, а объяснить этого не мог – даже для себя. Спрашиваю у нее – в чем дело, а она глазами хлопает – как бы не понимает, о чем речь...

Васик вздохнул и замолчал.

Я тоже молчала. Не знала, что и думать. Внезапный уход Нины от Васи́ка для меня тоже был загадочен. Ведь, как говорил сам Васик, для этого не было никаких оснований. Вечно вот с этой парочкой какие-то проблемы... Но сейчас они сами себя переплюнули. Если Нина не вернется в скором времени, то... даже не знаю. Она ведь тоже девушка не простая. С ее-то прошлым...

Я вспомнила, как мы с Васиком вот так же сидели за чашечкой кофе, а он рассказывал мне о своей первой и последней любви – Нине. И просил помощи. Нина тогда вовсе не обращала на него внимания – по той причине, что была замужем за человеком, который был фактически уже мертв, хотя все еще числился в списках живых – номинально...

* * *

– И дальше что? – проговорила я тогда. – Что ты там увидел?

– Ее, – тоскливо протянул Васик и откинулся на спинку кресла, – она мне на вечер встречу назначила, а потом отменила, сказав, что задержится на работе. Ну, я подумал – подожду ее, сюрприз устрою. Букет огромный купил. Всю ночь ей звонил, понимаешь, не было ее дома. Потом к подъезду подъехал утром и ждал, ждал... Ну, а когда время уже к обеду – смотрю, она идет. Счастливая такая – сумочкой помахивает... Косметика на лице свежая... – он вздохнул, – а блузка чуть помята – пониже ключицы две параллельные складочки.

Васик замолчал и мрачно уставился на дно кофейной чашечки.

– Н-да, – проговорила я, закуривая, – вот так дела. Никогда я тебя, Васик, таким не видела. А, казалось, будто знаю хорошо тебя. Влюбился, значит?

Васик, не отрывая взгляда от чашечки, подтвердил кивком.

– А она?

Он неопределенно пожал плечами и вздохнул.

– Понимаю, – сказала я, – ситуация не сказать, чтобы экстраординарная. Скорее наоборот. Не грусти, Васик, такое бывает...

– А мне от этого легче, что ли? – тоскливо осведомился Васик. – Что такое бывает? Я, может быть, первый раз в жизни влюбился, а она на меня вообще никакого внимания не обращает. Я уж и так и так... И цветы, и шампанское, и подарки дорогие... Стишки даже выучил, чтобы интеллектом поразить. Вот послушай...

Он закатил глаза к потолку и заговорил, беспрестанно прерывая вдохновенную речь мычанием и мемеканьем:

– Дым табачный воздух выел... Комната – глава в кру... э-э... м-м... крученыховском аду... аде. Вспомни, за этим окном впервые руки твои, иступленный, гладил... М-м... Слов моих сухие листья ли... э-э... заставят остановиться жадно дыша?... Дай хоть последней нежностью выстелить твой уходящий шаг... Э-э-э... М-м... Эта любовь мне не по силам. Пока. Целую. Твой Василий.

– Я в конце немного от себя присочинил, – добавил Васик, закончив декламировать, – чтобы она подумала, будто это я сам для нее написал. Правда, здорово, а, Ольга?

– Правда, – согласилась я, – а как вы с ней познакомились?

Васик закурил и вытянул свои длинные ноги на середины комнаты, отчего стал похож прислоненную к стене этажерку.

– В прошлую субботу я нажрался, – начал он, – дружка одного встретил, с которым в университете учился, ну и... А в воскресенье проснулся и понял, что, если не похмелюсь, то понедельника мне не дожить. Пошел в первый попавшийся кабак, а это не кабак оказался, а кафе. Ну, заказал себе пятьсот граммов и салатик. Выпил, стал по сторонам смотреть, а за соседним столиком сидит такая... – Васик сладко зажмурился и пошевелил в воздухе растопыренными пальцами – будто гладил кого-то невидимого, – такая... И завтракает булочками с чаем... Волосы белые-белые, пушистые, пушистые... Блондинка, в общем. На щеке родинка, на шее – еще одна. А глаза огромные, как... как две чашки кофе. У меня сразу дыхание перехватило, – проникновенно поделился Васик и надолго замолчал.

Я осторожно потушила сигарету в пепельнице и, стараясь не шуметь, налила себе и своему собеседнику еще кофе.

Васик все молчал. По его лицу блуждала растерянная и виноватая улыбка...

* * *

Дикая была история... Тот человек, который погубил бывшего мужа Нины, едва не погубил самого Васику. Страшный это был старик – колдун. Кроме того, что он обладал экстрасенсорными способностями, он еще и пользовался амулетом, который передал ему мой заклятый враг – Захар. С помощью этого амулета старик подчинял себе людей, высасывая из них жизненные силы, превращая людей в безжизненных марионеток, а потом убивая. Мне удалось покончить со страшным колдуном и избавить от него Нину, которой он успел-таки искалечить жизнь, спасти Васику и многих других людей – от расставленных для них сетей.

Ну, что же теперь вспоминать. Нужно разобраться с настоящим, а такие эпизоды из прошлого, лучше всего забыть – тем более, что они и так напоминают о себе редкими особенно темными и глухими ночами, когда с диким криком побуждаешься в поту и до рассвета не можешь заснуть, блуждая по комнатам квартиры и включая по дороге все подряд – электриче-

ские лампы, телевизор, магнитофон, радио, кухонный комбайн – чтобы только светом, шумом и треском, напоминающим о повседневной жизни, заполнить смердящую страхом густую ночную темноту...

– Итак, – сказала я, – что ты мне хотел поведать по секрету?

Глава 4

– Это было не так давно, – печально заговорил Васик, – как-то тоска ко мне подступила – такая, хоть в петлю лезь. Не могу я разобраться ни в своей душе, ни в наших с Ниной отношениях. Ну, пошел я и напился.

– Ты же не...

– Ну да, – кивнул Васик, – теперь не пью. Но все-таки иногда надо. Чтобы немного снять напряжение. Совсем чуть-чуть выпьешь – и уже легче...

Он замолчал и молчал все время, пока неповоротливый и молчаливый, как пингвин, официант не расставил на столе чашки с кофе, салфетки и вазу с фруктами.

– Так вот, – заново начал Васик, – я сейчас о выпивке говорил...

– Не отвлекайся, – попросила я, – ближе к делу.

– Выпил я тогда, – продолжал Васик, – немного... Тут немного, там немного, короче, нажрался, как свинья. Прихожу домой – Нина печальная сидит у окна, вроде и не замечает моего прихода. Я, конечно, к ней. Почему-то решил вдруг тогда раз и навсегда выяснить отношения... Начал вопросы ей задавать – как, да что... А она мне вдруг такое наговорила. Я утром проснулся и подумал, что это мне с пьяных глаз причудилось или вообще – приснилось. К Нине за объяснениями полез, а она пальцами у виска крутит... Но я-то опохмелился и понял, что не сон это был и не пьяное видение...

– Так что же все-таки тебе Нина сказала, – я начала уже терять терпение, – какой ты, Васик, многословный на самом деле.

– А сказала она мне вот что...

Васик оглянулся по сторонам, хотя в кафе из-за раннего времени не было никого, перегнулся ко мне через стол и тихим шепотом проговорил:

– Нина мне рассказала, что ее предки по женской линии были прокляты. Никто из женщин ее рода не мог выйти замуж.

– Но она же была замужем, – напомнила я.

– Я хотел сказать – удачно не мог выйти замуж, – поправился Васик, – а подробности брака Нины ты не хуже меня знаешь...

– Да, – качнула я головой, – приятного мало.

– Вот именно, – подтвердил Васик, – приятного мало. И теперь, как ты можешь догадаться, Нина боится выходить за меня замуж. Чтобы со мной ничего не случилось и так далее...

– Понятно, – сказала я, – то есть, ничего не понятно. Ты можешь поподробнее рассказать, в чем выражалось это родовое проклятие?

– Насколько помню, – проговорил Васик, – я ведь пьяный был... Но в общих чертах это звучало так...

Васик отпил глоток кофе и заговорил.

* * *

– Прапрабабушка Нины – Полина – была родом из глухой деревни, – рассказывал Васик, – но тем не менее с радостью и воодушевлением встретила пришедшую в их края советскую власть. Я так понял, потому, что эта власть давала своим сторонникам неограниченные полномочия. А Полина эти полномочия были ой как нужны. Дело в том, что Полина почти с детских лет была влюблена в одного деревенского парня – своего соседа... Николай, кажется, его звали. Так вот этот Николай родительского благословения на брак с Полиной не получил... То ли Полина на селе хорошей девушкой не считалась, то ли хозяйственности ей не хватало,

то ли сыграло роль то, что Полина была сирота и никакого приданого за ней не полагалось, кроме низенькой хибарки на окраине села... то ли что-то еще сыграло роль – не помню точно. Короче говоря, неразделенная любовь.

– Обычная история, – поддакнула я.

– Да, – кивнул Васик и продолжал:

– Николай, конечно, никаких чувств к Полине не испытывал, несмотря на то, что ее любовь к нему стала для односельчан излюбленной темой для шуток. Но шутили они недолго – когда Полина исчезла из села и через год вернулась к кожанке, с маузером и мандатом комиссара, многим стало не до шуток. Потому что все село целиком оказалось во власти Полины – той самой девчонки-сироты, над которой все потешались. А особенно кисло пришлось Николаю, успевшему за этот год жениться и зачать ребенка. Полина установила в селе совершенно драконовские порядки – больше всех, конечно, доставалось Николаю и его беременной жене, которые просто возненавидели Полину-комиссара. Да у нее самой чувства изменились – любовь, как это довольно часто бывает – переросла в ненависть. И самое страшное, что все это разворачивалось на виду у всех сельчан и никто ничего не мог сделать. Все молчали. Молчали тогда, когда у Николая и его жены увели последнюю корову и лошадь. Молчали, когда родителей Николая и родителей жены под видом раскулаченных угнали в Сибирь (самого Николая и его только что разрешившуюся от бремени семью Полина никуда угнать не могла – в таком случае она лишилась бы объекта своей ненависти, которой жила все эти годы). Молчали сельчане и тогда, когда жену Николая нашли как-то поутру с перерезанным горлом и выпотрошенным, точно у рыбы, животом. Николай остался один с ребенком и ребенку отдавал всю ту любовь и нежность, которая должна была предназначаться жене. И только когда младенца нашли мертвым, а рядом с ним в люльке ядовитую змею, обвившую холодное тельце, а в сарае обнаружили труп Николая, с нечеловеческой силой пригвожденный вилами к стене, Полину сожгли на костре, как ведьму. Конечно, вдохновителей казни после этого случая репрессировали, но... это, как говорится, частности...

– погоди, – вставила я слово, – а как же проклятие? И что-то из твоего рассказа не ясно, как Полина могла родить ребенка для продолжения проклятого рода?

– Тот самый год, который она провела в городе, – напомнил Васик, – Полина уехала уже беременная, причем от Николая, которого она все-таки соблазнила, но знала, что он на ней ни при каких условиях не женится. Да и шантажировать она не собиралась и просить – девушка была гордая. Ребенка своего Полина оставила в городе – в детдоме – оставила на время, поэтому подробно указала свои имя, фамилию и адрес села. А когда подросший ребенок Полины – это была девочка, ее тоже Полиной назвали – начала искать родителей – история и всплыла... Там еще что-то дальше было, но я уже не помню. Помню очень хорошо, что когда Полина-младшая явилась в село своей матери, чтобы мстить, по всему селу прокатилась паника – Полина-младшая была как две капли воды похожа на Полину-старшую, да еще и одевалась – так, как было принято по роду службы – кожанка, галифе, наган... Красная тряпица на груди. Вот тогда-то старухи и проклинали род Полины. А суть проклятия, как я помню, заключалась в том, что ни один мужчина не будет счастлив с женщиной, в жилах которой течет кровь той Полины, ради своей любви-ненависти убившей жену Николая и его сына и той Полины, которая пытаясь отомстить за мать, собственноручно прикончила из своего нагана половину села...

– Да, – сказала я, когда Васик замолчал, – страшная история. В общем, все умерли...

– Ничего тут смешного нет! – вспылil Васик. – Все это чистая правда и... к тому же нить от этой истории тянется ко мне...

Он ткнул себя пальцем в грудь.

– Мне угрожает реальная опасность, – сказал он, – и это не самое главное... Самое главное – то, что Нина пропала... Хоть бы написала, куда ушла. А куда ей идти? Родных у нее

нет. Друзей, кажется, тоже... По крайней мере, таких, о которых я бы знал... Любовник? Даже думать смешно...

– Да, – задумчиво проговорила я, рассматривая в своей чашечке остатки остывшего кофе, – родовое проклятие – вещь очень серьезная. Насыщенные энергией психоимпульсы вызывают мутацию в генных клетках объекта, на который направлено проклятие... И это самое просто объяснение... которое не охватывает всего масштаба такого сложного явления, как родовое проклятие.

– Значит, – прокашлявшись, осторожно проговорил Васик, – родовое проклятие все-таки существует?

– Конечно, – кивнула я, – я, как специалист в области паранормальных явлений, могу это с уверенностью подтвердить. И не ты ли мне сейчас целый час про родовое проклятие рассказывал?

– Я, – кивнул Васик, – но я ведь это... честно говоря, считал, что ты скажешь мне... как специалист в области паранормальных явлений, что никакого проклятия нет, что все это дедовские сказки...

– К сожалению, это не так, – сказала я.

То, что рассказал мне Васик, глубоко захватило меня. Особенно та часть истории, когда Полина-младшая приезжала мстить за смерть Полины-старшей. Абсолютное внешнее сходство двух Полин... Как это похоже на меня, когда я приезжала расследовать смерть моей сестры-близняшки! Расхождение только в деталях.

Да, черт возьми, у Васи́ка действительно серьезная проблема. Это не студенческие галлюциногенные грибочки. Надо как-то помочь моему другу.

Но как?

– И вот еще что... – проговорил Васик, как мне показалось, с неохотой, – не особенно хотелось тебе это говорить, но... надо. Потому что важно.

– Говори, – попросила я, – если важно.

– В общем, так... – Васик замялся, – короче говоря... Нина хочет снять это свое проклятие, ну и она... Она прямо мне ничего не говорила и в записке не писала... Но я так понял... Это не от того, что она тебе не доверяет! – воскликнул вдруг Васик, будто я хотела ему возразить.

– Говори яснее, пожалуйста, – сказала я, – при чем здесь доверие ко мне?

Васик вздохнул.

– А при том, – проговорил он, – что Нина решила снять с себя родовое проклятие. То самое, про которое я тебе рассказывал. Ты удивлена, почему она к тебе не обратилась за помощью?

– Н-ну... – в общем-то – да, – сказала я, – все-таки, когда под боком квалифицированный специалист, искать кого-то еще... Кстати, она нашла кого-нибудь, кто бы обещал ей справиться с ее проблемой?

– Нет, – качнул головой Васик, – но она говорила, что у нее кто-то на примете есть. Так вот я подумал, что она к этому кому-то и отправилась... А почему она не обратилась к тебе... Понимаешь, тут сложно все. Но лично я думаю, что Нина просто не хочет тесно с тобой общаться, потому что ты... как бы это... напоминаешь ей о тех страшных временах, когда... ты вытащила ее из сетей того старика-колдуна дяди Мони, который высасывал из людей жизненные силы, словно паук высасывает мух.

– Я помню, – сказала я, – да... Честно говоря мне и самой эту историю вспоминать не хочется. Я ведь и сама попала на удочку дяди Мони и едва не пропала... И теперь понимаю, почему Нина никогда не вспоминает о той страшной истории и... все-таки мало со мной и с Дашей общается. Конечно, Нина некоторое время назад обратилась за помощью ко мне – просила проследить за тобой, но ты помнишь, что из этого получилось?

– Кошмар получился, – вспомнил Васик, – меня использовали как приманку – а тебя хотели убить. Я, между прочим, чуть дуба не врезал из-за тебя.

– Я же не виновата, – сказала я, – и тем более – все закончилось хорошо.

– Ты, конечно, не виновата, – пожав плечами, проговорил Васик, – но Нина почему-то думает, что ты подвергаешь смертельной опасности каждого человека, который с тобой рядом находится. Нет, она тебя любит! То есть – уважает... Но – опасается.

– Ладно, – сказала я, – с этим вопросом разобрались. Осталось выяснить – куда могла уйти Нина.

Васик снова пожал плечами.

– Понятия не имею, – произнес он, – может быть, ее уход связан с желанием снять проклятие, а может быть, она уверена, что из-за проклятия не может быть со мной и... не хочет меня мучить, так сказать... Если бы она в записке написала толком... А то одно только слово – «прости»... И все.

Я задумалась. Зацепочки в этом деле все-таки кое-какие есть, но... как будто их нет. Слишком уж все... На уровне догадок. А что там подсказывает мне моя интуиция?

Я замерла, прислушиваясь к своему внутреннему голосу – и... ничего не услышала.

* * *

– Долго он там будет торчать? Спать хочется, сил нет... – пожаловался грузный мужчина в длинной кожаной куртке, накинутой, но не вдетой в рукава – поверх длинного и плотного свитера.

– Спать хочется – иди в машину и спи, – предложил ему меланхоличный детина в зимнем спортивном костюме. Он что-то жевал – с хрустом перемалывал массивными челюстями, словно каменными жерновами.

– Ага – в машину... – проворчал грузный, – шеф выйдет – даст мне прикурить... Один раз уже так было – ждал его с презентации да прикорнул в вестибюле на кресле. А меня какой-то мудака из газеты сфотографировал. Так шеф меня чуть не убил... Сказал – еще раз такое повторится – вылетит на хрен из охраны. А того мудака с фотоаппаратом из редакции на следующий день поперли. Молодой еще был... корреспондент, блин. Не показали ему своевременно – чьих охранников можно фотографировать, чьих нельзя... И статьи, конечно, никакой не было.

– А в какую газету твою фотку хотели поместить? – поинтересовался детина и сплюнул себе под ноги черную тягучую слюну.

– В какую... Неважно в какую... Я слышал – статью хотели назвать – «Что видел во сне охранник депутата госдумы?» – и фамилию шефа вклепать хотели...

– Хреновое название, – заметил детина.

– И я говорю...

Они еще немного помялись на пяточке перед подъездом. Грузный мужчина снова зевнул.

– Нет, спать-то как хочется... Три часа ночи уже.

– Иди и поспи! – разозлился детина и снова сплюнул черную слюну, – я тебя разбужу.

– Меня не добудишься, – вздохнул грузный, – я как усну, так все... Хотя из пушки стреляй. Мне жена иной раз говорит с утра...

– Тихо! – скомандовал детина и выплюнул изо рта большой черный комок с хлопьями шлепнувшийся на асфальт, – свет включился. Через полчаса уже и появится... Наш родной и любимый депутат государственной думы... Домой его отвезем, борова жирного и все. Можно отдыхать.

– Два часа пластался, – заметил грузный, – что-то он Светку не балует. Я его к Наташке возил, он ее всю ночь дрючил. А я всю ночь в машине просидел, боялся заснуть. Чуть с ума не сошел к утру...

– Да... – протянул детина, разворачивая бумажный пакет, – собачья наша работа... Возить шефа по бабам. И не дай бог кому слово ляпнешь... Тут же на улицу вылетишь. Да он еще и посадить может.

Детина тремя пальцами достал из пакета темный резко пахнувший комочек и отправил его в рот. И тут же звучно зачавкал.

– Как ты это дерьмо жевать можешь? – неприязненно поинтересовался грузный.

– А что? Жевательный табак. Я в детстве куриной слепотой болел – у меня глаза слабые. А табак, говорят, помогает.

Грузный неопределенно хмыкнул и задрал голову к единственному в во всем пятиэтажном доме светящемуся окну – там маячили размытые силуэты.

– Одевается... – пробормотал грузный, – к жене поедет. Эх, а еще – депутат...

– Да название одно – что депутат, – проговорил детина, – раньше был – барыга барыгой, а теперь на виду у всех... Так барыгой и остался, только скрываться стал. А заметил, как он в последнее время начал байдю толкать про необходимость правового государства? И прическу сменил, и костюмчик носит только серенький. Мне Манька-повариха говорила, что он себе хотел даже искусственную лысинку на затылке забабахать... Парикмахер отговорил.

Они надолго замолчали.

– Сейчас домой приеду, – заговорил грузный, – завалюсь на целые сутки. Хорошо, что завтра выходной.

– А я посплю немного и к вечеру в баню пойду, – заявил детина, – потом чекушку-другую раздавим с пацанами. Посиди-им... Ты чего?

Грузный, резко отвернувшийся от него, напряженно всматривался во тьму.

– Чего ты? – повторил детина.

– Да мне показалось... кто-то шмыгнул в подъезд...

– Да? Я ничего не видел.

– Да и я-то... краем глаза успел заметить, – признался грузный.

– Может, показалось спросонья?

– Может... – неуверенно проговорил грузный, – а может, и не показалось... Вроде бы... вроде бы человек прошмыгнул. Маленький такой... юркий.

– Надо пойти проверить, – высказался детина, – шеф уже сейчас выйдет, а там бомж какой-нибудь... Если он есть там... напугает шефа до смерти, он нас тогда вообще пришьет... Надо проверить.

– Надо, – вздохнув, согласился грузный, но с места не двинулся.

Детина посмотрел на него, тот пожал плечами и снова проговорил:

– Может, и не было никого. Скорее всего – не было. Мне показалось.

Видно было, что очень ему не хотелось слоняться по темному подъезду и искать... неизвестно что.

– У тебя фонарик есть?

– Нет. Зажигалка...

– Давай!

Грузный поискал в карманах, достал дорогую «Zippo» и передал детине.

– Не очень-то бензин там трать, – предупредил он, – заправлять загребешься – фирменный бензин дорого стоит... И смотри не потеряй. Она подарочная – мне жена на юбилей подарила...

– Сейчас вообще сам пойдешь, толстая сволочь! – снова рассердился на него детина. – Зануда чертов. Что мне – в темноте теперь шарить там? И так ни хрена не вижу... Почти во

всех домах какие-то сволочи лампочки повыкручивали – с патронами вместе... Хотя бы уж наш шеф облагораживал немного дома, куда по бабам ходит, а то...

Грузный хотел было обидеться, но передумал.

– Ладно, Санек, – сказал он, – чего там...

* * *

Санек сплюнул табачную жвачку и вошел в подъезд. Тихо было так, что он слышал, как скрипит пыль под его ногами. Он щелкнул зажигалкой, поднял ее над головой и, шуря глаза, при колеблющемся свете осмотрелся.

Узкая лестница уходила вниз – в подвал. Широкая вела вверх – на второй этаж.

Не опуская зажигалку, Санек прошел на несколько пролетов вверх и остановился.

Прислушался – ничего не было слышно.

«Да нет тут никого, – подумал он, – если бы кто-то был, то слышно было бы... А может быть, это вообще пес какой-нибудь прошмыгнул? Бездомный...»

Санек беззвучно усмехнулся.

Зажигалка в его руках нагрелась так сильно, что он был вынужден потушить ее и положить в карман, пока натянёт на ладонь рукав рубашки.

Сверху послышался какой-то шорох. Санек задрал голову и ему показалось, что на следующей лестничной площадке мелькнул какой-то огонек.

«Что за черт?...» – подумал он и, на вынимая зажигалку из кармана двинулся вперед, осторожно ступая.

На лестничной площадке никого не было.

Санек снова чиркнул зажигалку, она осветила голые обшарпанные стены. «Четвертый этаж», – было размашисто намалевано на одной из стен.

«Лахудра шефа на пятом живет...» – успел подумать Санек прежде чем щелкнул замок и со скрипом отворилась дверь на пятом этаже.

– Пока, дорогой мой, – тоненький женский голосок, – ты уж не забывай меня...

– Не забуду, – пообещали ей.

Санек вздрогнул. Это был голос его шефа – известного в столице бизнесмена и общественного деятеля, депутата государственной думы.

«Вниз бежать? – лихорадочно соображал Санек. – Он еще услышит. Скажет – следит за мной, чтобы потом слухи по городу пускать... Фотографировать...»

Шеф настрого запретил подниматься за ним в подъезд – стерегся, хотя вся его челядь прекрасно знала, куда он ездит ночами.

«Посветить зажигалкой? – подумал Санек, облизав пересохшие губы, – разорется, с работы выгонит. Скажу – услышал шум в подъезде, решил проверить... Ч-черт, что же делать?»

Дверь закрылась, снова щелкнул замок. На лестничной площадке появился и заерзал по стенам луч желтого света – шеф включил карманный фонарик.

«Покажусь ему, – решил Санек, – объясню все... В конце концов – о нем же беспокоился. Только бы не напугать...»

Он шагнул было на ступеньку выше, но тут желтый луч карманного фонарика взмыл к потолку и исчез, что-то глухо стукнуло об пол – послышался тихий шелест разбивающегося пластикового стекла.

Потом остолбеневший от неожиданности Санек услышал сдавленный крик, тотчас перешедший в страшный хрип и – скоро смолкший.

– Валерий Владимирович! – хотел крикнуть Санек, но сдавленное спазмом страха его горло не произнесло ни малейшего звука.

По полу лестничной площадки пятого этажа что-то прошуршало, как будто тащили волоком тяжелое тело. Потом все смолкло.

«Что это было? – вяло шевельнулось в голове у Санька, – как же мне быть теперь?»

Снова шелкнул замок и коротко проскрипела нешироко приоткрывающаяся дверь.

– Валерий Владимирович! – позвал тоненький женский голос, – что случилось?

– А что могло случиться? – Санек слабо улыбнулся, узнав глуховатый голос своего шефа, – фонарик я разбил, блин...

– А-а... А то я какой-то шум слышала... Думала, что-то случилось. У нас совсем недавно жилец пропал с лестничной клетки – таксистом работал. Вызвали его за город – в какой-то дом отдыха. Он поехал, забрал оттуда кого-то – поехали в аэропорт. Но в аэропорт не доехали – машину на дороге нашли с проколотыми колесами – вокруг кровь и никого нет. Даже трупов нет... Мне так страшно. Я теперь в этом подъезде боюсь одна ходить...

– Ничего. Спи.

– Тебе дать фонарик? У меня есть.

– Да не надо мне. И так нормально. Спускаюсь, меня внизу машина ждет...

Дверь закрылась.

Санек вытер со лба холодный пот. Предстоящее объяснение с шефом его теперь не пугало.

«Самое главное, – подумал он, – что ничего страшного не случилось. Он просто фонарик уронил и разбил. Всего-навсего. А уж мне почудилось...»

Санек начал подниматься по лестнице.

– Валерий Владимирович, это я! – начал заранее он, чтобы не напугать своего шефа внезапным появлением, – Валерий Владимирович!

Темный силуэт, качнувшийся на верху лестницы вдруг исчез. Санек остановился, удивленно раскрыв рот. На лестничной площадке вспыхнул огонек. Санек вспомнил, что уже видел такой огонек не так давно в этом подъезде. Присмотревшись, Санек понял, что огоньков – два. Как будто чьи-то горящие глаза. Красные, словно раскаленные угли.

Санек даже не успел поднять руки, когда кто-то невидимый в темноте прыгнул ему на грудь и вцепился клыками в горло. Под тяжестью неизвестного, напавшего на него, Санек сполз по стене вниз. Он схватился за одежду незнакомца, пытаясь оторвать его от себя, но не смог – быстро ослабли руки.

Терзавший горло Санька, последний раз сомкнул клыки – и какой-то темный круглый предмет покатился вниз по лестнице и остановился ткнувшись в противоположную лестнице стену.

Убийца мгновенно склонился на еще теплым телом и, безошибочно действуя в темноте, нащупал пальцами прерванную сонную артерию, из которой фонтаном хлестала кровь – и тут же припал к ней губами. Покончив со своим делом, убийца сыто заурчал и ни секунды больше не стоял над обезглавленным телом. Он прыгнул в сторону и бесшумно исчез в кромешной темноте, как только закончил дело.

* * *

Грузный мужчина в длинной кожаной куртке вышагивал рядом с машиной.

Потом он подошел к подъезду и остановился неподвижно, прислушиваясь.

Очевидно, он услышал что-то подозрительное, потому что нахмурился. Простояв, не шелохнувшись, несколько минут, он ничего больше не услышал, и лоб его постепенно разгладился, а сведенные брови разошлись.

– Санек! – тихо-тихо позвал он, но никакого ответа не получил.

Тогда грузный мужчина вздохнул и вернулся к машине. Он вынул из кармана куртки сигареты и хотел было закурить, но тут вспомнил, что отдал свою зажигалку.

Он выругался и сунул сигареты обратно в карман. Снова подошел к подъезду и прислушался. Потом отпрыгнул и лицо у него вытянулось – из подъезда вышел шеф грузного собственной персоной. Как он мог двигаться в крошечной темноте абсолютно неслышно – для грузного понятно не было. Ему вообще многое было непонятно – куда подевался Санек, что за странный шум был в подъезде несколько минут назад и отчего это губы и подбородок шефа испачканы чем-то... темным и густым, точно вареньем. Но, подчиняясь властному взгляду, грузный прикусил язык и ничего спрашивать не стал – только поспешил к машине, чувствуя странную дрожь в ногах и не догадываясь о том, что такую дрожь обычно испытывает человек за несколько минут перед особенно страшной и мучительной смертью.

Глава 5

Странный человек вторую ночь бродил по городу Москве. Уже довольно немолодой прилично одетый, но выглядевший так, будто он последнее время жил черт знает где и питался черт знает чем. Днем странный человек прятался в подвалах и мусорных баках, потому что его по какой-то непонятной причине раздражал яркий солнечный свет, а ночью – вышагивал по полупустынным улицам, зачем-то увязываясь за одинокими прохожими. Свет витрин и неоновых огней падал на лицо странного человека желтыми отблесками и прохожий, за которым шел странный человек, оборачиваясь, мог увидеть сверкающие неестественным красным светом глаза, окаймленные глубокими тенями, выглядывающие из-за нижней губы острые звериные клыки и пятна засохшей крови, густо покрывавшие встрепанные седые волосы, подбородок и грудь странного человека. Тогда преследуемый прохожий стремился ускорить шаг или вовсе – перейти на бег – или вскочить в случайный трамвай – пустой по причине позднего времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.